

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

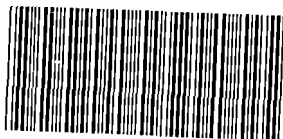
СОКОЛОВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

**АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

15/03/2014

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

005547864

Санкт-Петербург
2014

Работа выполнена на кафедре исторического регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Кривошеев Юрий Владимирович

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Воробьев Вячеслав Михайлович
Государственная академия славянской культуры
(филиал ГАСК в г. Твери)

доктор исторических наук, профессор
Селин Адриан Александрович
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)

доктор исторических наук, профессор
Акульшин Петр Владимирович
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Ведущая организация: Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Защита состоится « 16 » мая 2014 года в 16⁰⁰ часов на заседании совета Д 212.232.11 по защите кандидатских и докторских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. 24

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « 11 » апреля 2014 года

Ученый секретарь Диссертационного Совета
кандидат философских наук

А. Е. Радсев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Личность Александра Невского обладает особым статусом в исторической памяти современного российского общества. Его имя среди прочих князей нашего средневековья, пожалуй, наиболее известно соотечественникам. Более того, как показало открытое sms-голосование, проведенное телеканалом «Россия» в 2008 г. в рамках проекта «Имя России», именно Александр Невский был назван тем самым героем отечественной истории, восприятие которого имеет, безусловно, положительный характер. Немаловажно, что такой тип опроса автоматически подразумевает широкое участие в нем молодого поколения, с большой готовностью откликающегося на подобного рода мероприятия. В таких обстоятельствах изучение исторически сложившегося образа князя, превратившегося со временем в своего рода культурный феномен, приобретает очевидную значимость. Выяснение условий возникновения и генезиса этого феномена — актуальная задача, разрешение которой подразумевает обращение к ряду других, не менее важных научных проблем, связанных с отечественной историей и культурой.

Среди таких проблем первоочередное значение приобретает исследование ряда аспектов деятельности *реального* Александра Невского, в частности, его взаимоотношения с духовенством в связи с последующей канонизацией. Кроме того, обращение к трудам, где трактуется политика Александра в различные исторические эпохи, показывает, что, несмотря на решение многих важных вопросов, эти труды в значительной степени фрагментарны, поскольку их авторы оставляют в стороне важнейшие для историографии периоды: довоенную эпоху, экспедиционные исследования послевоенного времени, многочисленные работы, выходявшие с начала 1990-х годов. К тому же взгляды ученых иногда явно детерминированы поиском политической подоплеку или стремлением толковать факты в соответствии с собственной концепцией.

Не изученной в должной мере остается история создания фильма С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938 г.), оказавшего серьезное влияние на формирование представлений о князе как историческом деятеле. Подчеркнем, что такое воздействие картины, ставшей признанным шедевром не только отечественной, но и мировой культуры, продолжается и до наших дней: очевидные реминисценции можно обнаружить в намного более поздних произведениях литературы и искусства, так или иначе затрагивающих исторических деятелей. В то же время, в исследованиях о фильме «Александр Невский» практически не был задействован комплекс архивных документов, позволяющих дать ответ на ряд ключевых вопросов, касающихся эволюции замысла будущей ленты, работы

над сценарием, хода съемок, наконец, биографии самого режиссера, всемирная известность которого придает решению этих задач безусловную актуальность.

При этом необходимо обратить внимание на то, что количество работ об Александре Невском, вышедших даже за последние десятилетия, довольно велико. Активизации общественного интереса к его личности способствовали и трехсотлетний юбилей Санкт-Петербурга, и упомянутое sms-голосование, и, наконец, празднование 300-летия основания Александро-Невской лавры.

С усилением научного интереса связано также проведение многочисленных конференций, посвященных личности и деяниям князя. В последние несколько лет такие конференции проводятся в Санкт-Петербурге при поддержке Администрации Ленинградской области и Александро-Невской лавры, во Пскове при поддержке Администрации области и Псковского государственного университета, в Москве и Нижегородской области при поддержке Центра Национальной славы, — все они неизменно привлекали и привлекают внимание специалистов в области науки и культуры, вызывают интерес широких слоев просвещенной общественности, а также средств массовой информации. Одним из центров, организующих подобные мероприятия, стал Санкт-Петербургский государственный университет¹.

Указанные аспекты актуализируют проблему и делают целесообразным обращение к ней в рамках диссертационной работы.

Источниковая база исследования. Тематика диссертации предполагает привлечение всей совокупности письменных источников, относящихся к различным эпохам.

Для средневековья особенное значение имеют летописи — здесь можно почерпнуть сведения не только о времени, в котором жил Александр Невский, но также и разнообразную информацию, касающуюся непосредственно его политической деятельности. Среди таких источников следует выделить Лаврентьевскую, Новгородскую Первую и Никоновскую летописи. Для настоящей работы также, несомненно, важна «Повесть о житии Александра Невского», дающая материал как для научно-исторической реконструкции биографии князя, так и для наблюдения за трансформацией исторической памяти о нем. Первая редакция этого произведения была составлена одним из младших современников Ярослави́ча не позже, чем в 1280-х годах в Рождественском монастыре

¹ См. об этом: *Соколов Р. А.* Конференция, посвященная 770-летию Ледового побоища // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 4. С. 243–244.

г. Владимира², впоследствии вплоть до петровского времени создавались новые редакции, значительная часть которых хронологически пришлась на XVI столетие. Для изучения темы диссертации большое значение имеют и другие исторические сочинения средневековья, такие как Степенная книга и «Титулярник», кроме того, следует упомянуть о произведениях искусства — иконописных изображениях, памятниках архитектуры и т. д.

Русские письменные источники дополняют документы иностранного происхождения: Хроника Ливонии Генриха Латвийского (XIII в.), Старшая ливонская рифмованная хроника (XIII в.), Сага о Хаконе, сыне Хакона (около 1265 г.).

Начиная с XVIII столетия, началось формирование образа Александра Невского, которому были присущи прежде всего секулярные черты. Этот процесс был подготовлен как мероприятиями государственной власти, так и общим состоянием социума, в течение XVII в. становившегося все более светским. Однако и в данный период приоритет за формированием общекультурной парадигмы зачастую оставался в руках духовенства, выполнявшего, правда, чаще всего пожелания императора. Указанное обстоятельство отчетливо прослеживается по церковным проповедям Гавриила Бужинского и Феофана Прокоповича, в которых отражен соответствующий той эпохе взгляд на деятельность князя. Помимо этого, перу Гавриила Бужинского принадлежала составленная непосредственно в связи с перенесением мощей Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург в 1723–1724 гг. новая служба святому и синаксарий из его Жития.

Большое количество информации содержат опубликованные документальные источники. В этом плане особую ценность представляют законодательные акты, так или иначе затрагивающие вопросы, касающиеся почитания Александра Невского. Документы, привлекавшиеся для написания настоящего исследования, представлены в Полном собрании законов Российской империи, а также в Полном собрании постановлений и

² Бегунов Ю. К. 1) Александр Невский и современность // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. / Отв. ред. Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 44; 2) Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 163. — Ср.: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV вв.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX вв. Вып. I. М., 1990. С. 36–39; 2) Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашута. М., 1999. С. 133–134.

распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Кроме того, были привлечены публикации Описания документов и дел, хранящихся в архивах Святейшего Синода. В частности, именно здесь был напечатан текст «Юрнала» — официального дневника, который велся Рождественским архимандритом Сергием во время переноса мощей князя в новую столицу в 1723 г.

Однако наибольший интерес, безусловно, представляют источники неизданные и не введенные в должной мере в научный оборот. При работе над диссертацией привлекались материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Эстонского государственного архива (Eesti Riigiarhiivi, г. Таллин), Древлехранилища Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ПГОИАХМЗ), архива Ленинградского Дома ученых им. М. Горького, Архива РАН (г. Москва).

Необходимым источником для данного исследования стали материалы периодической печати. Ее внимательное изучение позволило, в частности, составить целостное представление о совершавшейся в 1930-х годах трансформации восприятия в общественном сознании образов национальных героев, о том, какое отражение этот процесс находил в культурной жизни общества в целом, а также, более конкретно — понять, как менялось отношение в обществе к Александру Невскому.

В процессе исследования привлекались и источники личного происхождения — письма, дневники и мемуары, среди которых особенное значение имеют воспоминания С. М. Эйзенштейна.

Помимо изучения традиционного комплекса письменных источников, автором настоящего исследования проводились опросы непосредственных свидетелей тех событий второй половины XX в., о которых идет речь в диссертации. Так, были проведены беседы с участниками экспедиции Г. Н. Караева И. К. Лабутиной, Т. Ю. Тюлиной и В. А. Потресовым, жителями поселка Самолва, а также с дочерью историка Э. К. Паклара.

Степень изученности темы. Выше уже был отмечен интерес историков к сюжетам, так или иначе связанным с Александром Невским. Среди них преобладают работы, в которых рассматривается в первую очередь политическая деятельность исторического, реального Александра Невского³, в то же время исторической памяти о нем уделяется немного

³ См., например: *Сурмина И. О. Александр Невский. (Опыт научной биографии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. 22 с.*

меньше внимания: как правило этот вопрос рассматривается лишь в качестве заключения к основному тексту⁴. В этом плане выгодно отличаются работы И. Н. Данилевского, представившего собственный, пусть и не всегда бесспорный взгляд на существовавшие в разные эпохи представления о роли князя в отечественной истории, и соотнесшего их с исторической достоверностью, и, наконец, показавшего трансформацию этих представлений⁵.

Для темы данной диссертации еще более значим труд немецкого ученого Ф. Б. Шенка, специально посвященный культурной памяти об Александре Невском. С текстом его книги научное сообщество и широкий круг читателей в нашей стране получили возможность познакомиться в 2007 г., после выхода в свет русского перевода⁶. Подчеркнем, что обращение исследователя-иностранца к такой проблематике далеко не случайно, ибо, по справедливому замечанию А. В. Сиренова, «волна интереса к данной теме идет из западного мира», ученые представители которого обратили внимание на значение для отечественной культуры, а также исторической памяти феномена этого национального героя, и с интересом относятся к уточнению обстоятельств, позволяющих прояснить, «какие идеи вкладывал русский народ на протяжении многих веков в формирующийся образ Александра Невского»⁷.

Отметим, что труд Ф. Б. Шенка, несмотря на свою масштабность, содержит ряд неточностей. К тому же автор, претендуя на то, чтобы реконструировать восприятие Александра в каждую конкретную историческую эпоху, к сожалению, зачастую приходит к излишне прямолинейным выводам. Об этом говорят уже названия глав его работы: «Сакрализация Александра», «Национализация Александра», «Советизация Александра», «Экранизация Александра» и т. д. Несмотря на все старания Ф. Б. Шенка, с истинно немецкой педантичностью и аккуратностью исследовавшего феномен князя в сознании российского общества, добиться

⁴ См., например: *Бегунов Ю. К.* Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. 261 с.

⁵ *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2000. 387 с.

⁶ *Schenk F. B.* Aleksandr Nevskij Hieliger–Fürst–Nationalheld: Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000). Köln; Weimar; Wien, 2004. — См. также русский перевод: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М., 2007. 589 с.

⁷ *Сиренов А. В.* Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. — 417 p. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1–2. С. 263–264.

поставленной цели ему все же не удалось. Заметим при этом, что Ф. Б. Шенком были удачно решены некоторые конкретные задачи. В частности, представлен добротный обзор историографии XVIII–XIX вв., а также изучено отношение власти и общества к феномену Александра Невского, его отражение в культуре и искусстве в XIX — начале XX в. К сожалению, того же нельзя сказать о реконструкции истории фильма «Александр Невский», которую предпринял ученый, вызывает сомнения и характеристика его восприятия зрителем, а также анализ историографии советского периода.

Книга М. Исоха «Образ Александра Невского в средневековой Руси. Воин и святой» охватывает меньший период времени: в ней рассматриваются трактовки личности князя в источниках XIII–XVI в.⁸ В откликах на эту монографию отмечалось, что в указанных хронологических рамках автору удалось добиться более значимых результатов, нежели Ф. Б. Шенку, хотя и здесь имеются недостатки, проистекающие из слишком узкой источниковой базы (учтены лишь письменные источники). К тому же оставшийся вне поля зрения М. Исоха материал позднейшей эпохи позволил бы изучить процесс, в ходе которого культ Александра Невского приобрел по-настоящему общенациональное значение⁹.

Учитывая это, отметим, что более удачным опытом стало издание российской коллективной монографии «Александр Невский. Государь, дипломат, воин»¹⁰, вторая часть которой целиком посвящена исторической памяти о князе. Силами привлеченных к участию в издании специалистов был осуществлен анализ средневековых письменных источников, повествующих о Ярославиче (Е. Л. Конявская), представлена история его почитания как святого и строительства храмов, возведенных в память о нем (Т. Д. Стещора), сделан обзор иконографии (Н. В. Квливидзе) и живописи XVIII–XX вв. (А. К. Карев), посвященных герою Невской и Ледовой битв и т. д. Однако и здесь подробно не рассмотрен ряд проблем.

Для настоящего исследования важно использовать уже имеющийся в науке задел в изучении историографии темы «Александр Невский», что позволит не дублировать результаты, полученные специалистами ранее. В связи с этим, стоит подчеркнуть значение трудов, осуществленных

⁸ См.: Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 p.

⁹ Сиренов А. В. Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia... С. 265.

¹⁰ Александр Невский. Государь, дипломат, воин / Отв. ред. А. В. Торкунов, науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М., 2010. 536 с.

И. О. Сурминой¹¹, во многом дополняющей построения Ф. Б. Шенка относительно публикаций историков дореволюционного периода, а также отметить наблюдения В. А. Абраменко, изучившего образ Великого Новгорода в общественной мысли XVIII–XX вв., и показавшего, что личность Александра Невского была неотъемлемой частью этого образа¹². Следует иметь ввиду и статью Г. Н. Караева, вышедшую в 1966 г., который обобщил все существовавшие на тот момент точки зрения по поводу Ледового побоища и проиллюстрировал их на картах¹³.

В целом, разработку темы исторической памяти об Александре Невском на сегодняшний момент нельзя считать завершенной. Ее изучение, во-первых, актуально, а во-вторых, перспективно с точки зрения привлечения и введения в оборот новых источников. Это позволит получить результаты, имеющие значение не только для отечественной истории и культуры, но и всемирного культурно-исторического наследия (это касается прежде всего творчества С. М. Эйзенштейна).

В качестве **объекта** в диссертации рассматривается историческая память об Александре Невском на хронологическом отрезке от древности до начала XXI в. **Предметом** исследования послужили те памятники исторической мысли и культуры, которые, с одной стороны, оказывали наибольшее влияние на осмысление деятельности князя современниками в разные исторические эпохи, а с другой — отражали специфику этого осмысления.

Целью диссертационного исследования стало изучение феномена восприятия личности Александра Невского как национального символа Отечества в исторической традиции. В соответствии с этим были определены **основные задачи**:

- исследовать дискуссионные моменты внешне- и внутривнутриполитической деятельности Александра Невского;
- изучить взаимоотношения и взаимное влияние церковных иерархов и князя;
- рассмотреть комплекс мероприятий Петра Великого и его преемников в политической и культурной сферах по включению образа

¹¹ Сурмина И. О. Александр Невский в русской дореволюционной историографии // Историографический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 20. Саратов, 2002. С. 3–17.

¹² Абраменко В. А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 46–47, 102–105, 135–137, 165–166, 232.

¹³ См.: Караев Г. Н. К вопросу о месте Ледового побоища 1242 г. // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. Л., 1966. С. 6–17.

Александра Невского в идеологическую систему регулярного государства и изменение в связи с этим особенностей его почитания;

— проследить на общеисторическом фоне трансформацию восприятия образа Александра Невского до и после революционных потрясений 1917 г., а также установить обстоятельства нового обращения власти и общества к историческому опыту князя во второй половине 1930-х годов;

— реконструировать на основе архивных материалов и опубликованных источников процесс создания фильма «Александр Невский» (исторический и культурный контекст, работа над сценарием и его обсуждение, подготовка и осуществление съемок);

— определить особенности восприятия советским зрителем картины «Александр Невский», рассмотреть критические отзывы на нее и типологизировать их;

— проанализировать историографию темы «Александр Невский» советского периода, выявить причины и обстоятельства организации Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища;

— рассмотреть сформулированные на рубеже XX-XXI вв. в научных работах подходы к основным моментам биографии и политической деятельности князя;

— выяснить степень исторической достоверности трактовки образа Александра Невского в современном кинематографе.

Научная новизна диссертационного исследования обеспечивается прежде всего привлечением широкой источниковой базы. Использованные в ходе работы архивные материалы в большинстве своем ранее не были введены в научный оборот, а в некоторых случаях вообще не известны. Это, в частности, относится к материалам РГАЛИ, ЦГИА СПб, РГИА, Эстонского государственного архива (Eesti Riigiarhiivi, г. Таллин), Древлехранилища ПГОИАХМЗ и др. В то же время, опубликованные источники (летописи, агиографические памятники, проповеди, документы, мемуары и т. д.) ранее не рассматривались в том ключе, в котором их трактует тема диссертации. Наконец, был выявлен весь массив существующей на сегодняшний момент литературы по теме исследования и проведен ее анализ. Таким образом, посредством привлечения максимально полного комплекса источников и историографии был всесторонне исследован феномен восприятия личности Александра Невского в исторической традиции как национального символа Отечества.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования основных положений в образовательном процессе, при написании учебных курсов, пособий и учебников, в которых рассматриваются различные аспекты отечественной истории и культуры. Помимо этого, материалы и выводы диссертации целесообразно учитывать при

разработке экскурсионно-туристических маршрутов. Еще одна сфера возможного практического применения полученных результатов — музейное дело. Так, музеефикация ряда объектов, связанных с памятью об Александре Невском, могла бы способствовать не только сохранению историко-культурного наследия, но и дать определенный экономический эффект благодаря созданию новых рабочих мест и улучшению инвестиционного климата за счет повышения туристического потенциала отдельных микрорегионов.

Методология и методы исследования. Для решения поставленных научно-исследовательских задач в первую очередь использовался комплекс общенсторических методов, основу которых составляют принципы историзма и научной объективности. При рассмотрении материала применялся проблемно-хронологический подход, что позволило, с одной стороны, сосредоточить внимание на конкретных направлениях, ставившихся предметом исследования на отдельных этапах работы, а с другой, дало возможность рассматривать информацию источников в хронологической последовательности, поэтапно прослеживая эволюцию исторической памяти об Александре Невском.

При изучении памятников агиографии, летописания и литературы, а также архивных документов применялись методы археографии, текстологии и кодикологии, соблюдались принципы полноты источниковой базы и следования основным правилам исторической критики источников. При анализе историографического наследия осуществлялось сопоставление представленных в научных трудах трактовок, а также их оценка, критерием которой был ценностный подход, учитывающий значимость полученных историками выводов с точки зрения современной науки. Сопоставление было применено также и в некоторых других случаях, в частности, при анализе вариантов сценария, появлявшихся на разных этапах подготовки к съемкам фильма «Александр Невский». При рассмотрении периодической печати была осуществлена типологизация, позволившая структурно проанализировать критику в адрес кинофильма С. М. Эйзенштейна.

Апробация результатов работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов на научных конференциях, среди которых необходимо выделить следующие: всероссийская общественно-научная конференция «Исторические ориентиры российской государственности: Александр Невский» (Москва, 4–5 декабря 2007 г.); шестая всероссийская научно-богословская конференция «Наследие преподобного Серафима Саровского и будущее России» (Санкт-Петербург — Саров — Дивеево, 25–28 июня 2009 г.); межрегиональная конференция «Александр Невский — имя

России» (Санкт-Петербург, 10 июня 2010 г.); конференция «Северо-Запад — колыбель российской государственности», посвященная празднованию 1150-летия зарождения российской государственности на территории Северо-Западного федерального округа (Старая Ладога Ленинградской обл., 30 сентября 2011 г.); научная конференция, посвященная 770-летию Ледового побоища (Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г.); всероссийская научно-общественная конференция «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века» (Великий Новгород, 19–21 сентября 2012 г.); международная конференция «Политическая антропология традиционных и современных обществ» (Владивосток, 15–17 апреля 2012 г.); научная конференция «IV Международные Александроневские чтения “Роль Александра Невского в современном мире”» (г. Псков, 10–11 июня 2013 г.); региональная научная конференция «Чудские чтения» (г. Гдов, 28–29 июня 2013 г.) и др., а также в ряде печатных работ.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры исторического регионоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы диссертации, методология исследования, формулируются цель и задачи, анализируется степень изученности темы, аргументируется структура работы. Здесь же представлены ее научная новизна, практическая значимость, апробация полученных результатов и дана характеристика источниковой базы.

В *первой главе* «Военно-политическая деятельность князя Александра Невского и его канонизация Русской Православной церковью» были рассмотрены главные аспекты политической деятельности Александра Невского, впоследствии ставшие той фундаментальной основой, на которой складывалась и сохранялась историческая память о нем. При этом было выделено три основополагающих момента: 1) внешнеполитические акции Александра Ярославича (сюда входят как военные конфликты, так и дипломатическая составляющая), 2) внутренняя политика и 3) непосредственно связанные как с внешней, так и (в еще большей степени!) с внутренней политикой отношения Александра с церковью.

В *первом параграфе* — «Внешняя политика Александра Невского» — рассматривается деятельность князя на военном и дипломатическом поприщах, достижения на которых традиционно ставятся ему в заслугу как историческому и государственному деятелю.

В Прибалтике, на северном и южном побережье Финского залива, на территории будущей Финляндии и Карелии в начале XIII в. сталкивались интересы сразу нескольких государств и народов. В диссертации показано, каким образом развивалась крестоносная экспансия в регионе в первые десятилетия этого века и как ей противостояло местное население, а также русские князья, в частности, отец Александра Невского Ярослав Всеволодович.

Исследование связанных с этим вопросов начинается с территорий, простирающихся на южном побережье Балтики, где немецкий натиск был особенно сильным. При этом отмечается, что на Руси имелись и силы, заинтересованные в уступках немцам и в достижении соглашения с ними даже на крайне невыгодных условиях.

Участие в военных походах отца (1234 г.), а также в дипломатических переговорах обеспечило Александру Ярославичу необходимый опыт. Кроме того, Ярослав, думая о будущем, несомненно, желал, чтобы новгородцы соотносили свои победы с именем его сына, который уже в 1236 г. стал самостоятельным управителем Новгорода и принял на себя ответственность за ряд нерешенных внешнеполитических задач. Ярославич умело лавировал между своими противниками — литвой и немцами. Ситуация кардинально изменилась после объединения меченосцев с тевтонцами и монгольского разорения, серьезно ослабившего Северо-Восточную Русь. Усиление литвы, в свою очередь, заставляло обратить внимание на укрепление рубежа по р. Шелонь.

Однако наибольшую опасность представляли скоординированные попытки захватов со стороны шведов и немцев. Угрозу территориальных аннексий, исходящую от последних, удалось устранить благодаря ключевой победе, одержанной на льду Чудского озера, а агрессию шведов приостановило сражение при устье Ижоры 1240 г. При этом победа на Неве вовсе не означала окончания шведской экспансии, однако теперь шведы действовали осмотрительнее.

В 1256 г. они попытались закрепиться на реке Нарове и начали строить здесь крепость, но решительные действия Александра заставили их немедленно отказаться от этих замыслов и отступить. Ярославич же, в свою очередь, использовал эту акцию для организации глубокого рейда по льду Финского залива на север Финляндии. В диссертации отмечается, что шведы изначально рассчитывали на политическую нестабильность в Новгороде, вызванную изгнанием из города за год до этого Василия Ярославича, а также на общие противоречия, существовавшие между Новгородом и Александром, укрепившаяся власть которого не могла не беспокоить новгородцев. Важную роль в осуществлении похода вглубь финских земель сыграл митрополит Кирилл, постаравшийся убедить ратни-

ков в необходимости спланированного князем перехода. Следует подчеркнуть, что в этом предприятии должен был учитываться опыт Ярослава Всеволодовича, осуществившего подобную акцию в 1227 г. В целом же организация такой экспедиции в условиях установившейся зависимости Руси от Орды и внутренней нестабильности в Новгороде, требовала от Александра недюжинного таланта. Участие в ней Кирилла свидетельствует о высоком уровне взаимопонимания, существовавшем между князем и митрополитом, и дает право утверждать, что во внешнеполитической сфере прослеживается активное взаимодействие князя с духовной властью, интересам которой, в частности, отвечало противодействие экспансии со стороны католического Запада.

Подчеркнем, что столь масштабная экспедиция имела и дипломатическое обеспечение: ее организации предшествовали успешные переговоры с Норвегией, датировка которых 1251 г., наиболее полно обоснованная И. П. Шаскольским¹⁴, была оспорена В. А. Кучкиным и Т. А. Джаксон, предположившими, что правильное отнести их к более позднему периоду — 1257 г.¹⁵ В противоположность высказанной ими точке зрения, в диссертации показано, что юный возраст Василия Александровича (11—12 лет), сватовство которого к дочери норвежского короля было одной из целей русского посольства, не опровергает раннюю датировку, поскольку в данный период имелись примеры брачных проектов достаточно молодых людей. Более логичным выглядит и соотнесение сообщения источника о монгольском факторе как препятствии к заключению этого брака именно с 1252 г. (Неврюева рать), нежели с 1257 г. («число» — перепись населения), поскольку нашествие Неврюя стало следствием противодействия ханской власти со стороны Андрея Ярославича, вступившего в союз с Даниилом Галицким, который, в свою очередь, вел переговоры о возможном противодействии Орде совместно с Западными странами. Представляется, что в этот момент брачный союз с европейским монаршим домом вызывал бы особенное подозрение у монголов. В то же время, это не помешало достигнуть важного соглашения с Норвегией, устранившего на долгое время поводы для взаимных конфликтов. Александр проявил себя в этих событиях как правитель, умеющий мыслить масштабно, на несколько ходов вперед.

¹⁴ Шаскольский И. П. 1) Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 38–61; 2) Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 112–116.

¹⁵ Джаксон, Т. Н., Кучкин, В. А. Год 1251, 1252 или 1257? (К датировке русско-норвежских переговоров) // Восточная Европа в древности и средневековье. К 80-летию чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. Москва 15–17 апреля 1998. М., 1998. С. 24–28.

Таким образом, Александр Невский не считал мирные отношения с западными странами чем-то невозможным или тем более предосудительным. Еще одним подтверждением этому служит заключенный от его имени договор с Готландом, ратификация которого произошла уже после смерти Ярославича¹⁶.

Во *втором параграфе* («Внутренняя политика Александра Невского и церковно-государственные отношения») исследованы особенности процессов, протекавших на Руси, начиная с рубежа второго-третьего десятилетий XIII в. Особенное внимание при этом уделяется церковно-государственным отношениям вообще и влиянию иерархов на становление личности князя в частности. Данное влияние прослеживается уже в том, что владимирские архиереи того периода — Симон и Митрофан — были связаны с Рождественским монастырем, где впоследствии состоялось погребение Александра. Его предшественники были похоронены в Успенском соборе; преемники — в своих «вотчинных» городах, и похороны Александра Невского стали как бы «переходными». Представляется, что он сам завещал предать свое тело земле в Рождественском монастыре, почтение к которому у него могло возникнуть еще в юности, когда он слушал рассказы владимирских епископов.

Особенное значение архиерейская власть имела в Новгороде, в 20-х годах XIII в. буквально раздираемом внутренними конфликтами. На Александра мог определенным образом воздействовать архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович), автор «Книги Паломник», или (что более вероятно) кто-то из его окружения. Возможно, именно тогда в душу юного Ярославича запали первые семена недоверия к Западу, где борьба с православной «схизмой» считалась одной из главных целей. Впоследствии это могло сыграть определенную роль в выборе Александром собственного внешнеполитического курса¹⁷, хотя, разумеется, искать корни последующих событий *только лишь* в наставлениях Антония-Добрыни, было бы неправильно.

Необходимо также подчеркнуть, что раннее привлечение Ярославом Всеволодовичем Александра к новгородским делам способствовало тому, что он стал на берегах Волхова «своим», т. е. фактически был «вскормлен» новгородцами, подобно тому, как на полтора столетия раньше так же воспитывался на берегах Волхова сын Владимира Мономаха Мстислав. Воспитание князей с юных лет новгородцы использовали,

¹⁶ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 56–57.

¹⁷ Бегунов Ю. К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. С. 37.

чтобы противостоять притязаниям великих киевских князей еще в конце XI–XII вв.¹⁸ В диссертации показано, каким образом, Ярослав сумел обратить это «изобретение» новгородской общины на пользу своему роду.

Со следующим новгородским владыкой — Спиридоном — Александр будет взаимодействовать при управлении городом весьма долгое время. Положение этого архиерея было более стабильным, чему, по-видимому, способствовала «прозрачность» его выборов, проведенных посредством жребия, при этом вмешательство князя было исключено, и продолжавшаяся долгое время «чехарда» на новгородском владычном престоле, наконец, закончилась. Спиридон, занимавший новгородскую кафедру в течение двадцати лет (до 1251 г.), благословил Ярославича на Невскую битву, он же входил в состав посольства 1241 г., которое сумело добиться возвращения князя после конфликта обратно в город.

Правление преемника Спиридона Далмата оказалось особенно трудным, поскольку именно в это время, как было показано А. В. Петровым, внутригородская борьба стала приобретать черты словесных конфликтов¹⁹. Положение осложнило и вмешательство татарской власти, стремившейся ввести Новгород в орбиту данической зависимости. Во время противостояния 1255 г. архиепископ выступал посредником между новгородцами и Александром Ярославичем, он же встречал князя после примирения, а в 1257–1259 гг. летопись вообще не упоминает о владыке, хотя страсти в городе тогда пылали нешуточные. По всей видимости, позиция, которую он занял, не вызывала возмущения ни у одной из конфликтующих сторон.

Что касается владимирской кафедры, то следует отметить, что ею после смерти в 1238 г. Митрофана управлял непосредственно митрополит Кирилл, первоначально разделявший взгляд Даниила Галицкого на возможность сопротивления Орде посредством создания коалиции русских князей и привлечения помощи Запада. Эти взгляды он скорректировал после хиротонии в Никее, где должен был получить антикатолические инструкции, а также под воздействием Александра Невского, приводившего доводы в пользу невозможности сбросить власть Орды в то время (это подтвердили вскоре события 1252 г.). Таким образом, можно говорить о непосредственном влиянии Ярославича на выстраивание внешнеполитического курса Русской Православной церкви. В этом ракурсе следует рассматривать и создание епархии в Сарае в 1261 г., а также воз-

¹⁸ *Фроянов И. Я.* Мятельный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 183–184.

¹⁹ *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 210–224.

можное совместное участие княжеской и духовной властей в координации и руководстве восстаниями 1262 г., направленными против откупщиков, действовавших в интересах центральной власти Монгольской империи.

Активное сотрудничество Александра Невского с высшими иерархами позволяет утверждать, что им были заложены основы, на которых зиждились взаимоотношения светских властителей — великих князей и русских первоиерархов в течение длительного периода, а имевшие место спустя несколько десятилетий попытки правителей (Михаил Тверской, Дмитрий Донской) слишком резко повлиять на выстраиваемую церковью политику имели отрицательные последствия. Таким образом, основы традиции церковного почитания Александра Ярославича, ставшей впоследствии весьма значимым явлением духовной и культурной жизни нашего Отечества, были заложены *реальным, исторически достоверным* сотрудничеством князя с иерархами, которое имело место как во внешней, так и во внутренней политике.

Параграф третий — «Установление церковного почитания святого благоверного князя Александра Невского в XIII–XVII вв.» — посвящен рассмотрению обстоятельств кончины князя, его прославления и сохранения исторической памяти о нем в допетровский период. Основу этой памяти в первую очередь определяла принадлежность Александра к лику святых, причем, предсмертный постриг придал восприятию его образа как исторического деятеля особенную ипостась.

Причиной последней поездки Ярославича в Орду стало желание отменить объявленный ханом «рекрутский набор». В диссертации рассматриваются существующие в историографии версии по поводу возможного отравления Александра в Орде и отмечается, что этот сюжет будет присутствовать в различных формах исторической памяти о князе, и даже привлечет к себе внимание кинематографистов в середине XX в.

Данные летописи позволяют сделать вывод, согласно которому на похоронах Александра присутствовало несколько архиереев. Вероятно, уже тогда готовилась его местная канонизация, подтверждение этому имеется и в Житии, составленном вскоре после кончины князя. М. Д. Приселков указывал, что в этот период «для увековечивания в памяти потомства» деяний Александра Невского специально был создан летописный свод²⁰.

Следующий этап почитания Ярославича начался с Куликовской битвы 1380 г., победа в которой связывалась в сознании народа с заступничеством высших сил. Видение пономарю Рождественского собора ста-

²⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV в. СПб., 1996. С. 151.

ло поводом для вскрытия гробницы Александра, обретения его мощей и перехода его почитания на новый уровень. Этому не помешал и пожар 1491 г., серьезно повредивший останки князя.

Особенно важна для формирования исторической памяти об Александре Невском эпоха Ивана Грозного — период трансформации Русского централизованного государства в многонациональную страну и создания соответствующей государственной идеологии. В 1547 г. Иван Грозный, осуществлявший в этот период комплекс мер, основной целью которых было укрепление авторитета Руси и ее правителя, стал инициатором общерусской канонизации большой группы святых, среди которых был и Александр Невский. В этом комплексе мероприятий не последнее место сыграло придание особого статуса поминанию прежде почивших предков царя. В таком ракурсе необходимо рассматривать меры по сохранению имен прежних великих князей и княгинь путем внесения их в синодики, составлению которых предшествовала разработка описаний мест захоронения предков государя. Исследование материалов этих описаний, осуществленное А. В. Сиреновым, показало, что гробницу Александра Невского фиксируют все без исключения описи Рождественского собора во Владимире. В этот же период изображение князя было помещено среди росписей усыпальницы московских князей — Архангельского собора. С укреплением исторической памяти о Ярославиче в сознании современников связан и текст Степенной книги — яркого памятника русской исторической мысли и образца государственной идеологии XVI в. Обращение к различным редакциям этого источника показывает, что интерес к личности Александра сохранял актуальность на протяжении всей второй половины этого столетия²¹. Популярность князя у русских книжников в XVI в. доказывает и то, что из пятнадцати редакций его Жития, созданных до петровских преобразований, семь (с четвертой по десятую) пришлось именно на это столетие²².

После Смутного времени и воцарения новой династии не прерывалась историческая традиция почитания князя, о чем свидетельствует, например, указ 1640 г. Михаила Романова, по которому были изготовлены покровы на гробницы брата и матери Александра. Около 1630 г. по распоряжению патриарха Филарета над Тайницкими воротами Кремля был устроен храм во имя Александра Невского, а в день его памяти — 23 ноября — ежегодно устраивались крестные ходы. Портрет князя и повествование о нем вошло в «Титулярник», созданный в 1672 г., а также в «Ва-

²¹ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. СПб.; М., 2010. С. 53, 54, 60, 61, 66–67, 167–168.

²² См.: Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. С. 164.

силилогион». В XVII в. в дополнение к десяти уже существовавшим появились пять новых редакций Жития Александра, а его мощи в 1697 г. были перенесены в новую «сребровызолоченную» раку.

Таким образом, к началу XVIII в. культ князя был уже достаточно развит, однако, несмотря на использование его образа в идеологических акциях государства, он сохранял ярко выраженный церковный характер, причем не только по форме, но и по содержанию.

В *главе второй* «Становление и утверждение образа Александра Невского в общественном сознании и государственной идеологии (XVIII — 30-е годы XX в.)» рассматривается восприятие личности князя от эпохи Петра I до первых десятилетий советской власти. Выделение этого хронологического периода в качестве отдельной структурной части работы было обусловлено необходимостью поиска возможных *объективных* причин для отрицания исторического опыта Александра после 1917 г.

В *первом параграфе* — «Историческая память об Александре Невском в Российской империи» — показаны основные мероприятия по приданию культу святого князя новых, светских черт, которые были связаны с интересами государственной власти и династии и осуществлялись Петром I и его преемниками.

В диссертации отмечается, что первый русский император изначально относился с большим пиететом к Александру Невскому, и, в частности, доказывается, что именно в честь этого святого получил свое имя второй сын государя, родившийся в 1691 г. Однако наибольшей степени почитание князя на *государственном* уровне достигло позднее, после основания на отвоеванных у Швеции землях нового города — столицы будущей Российской империи. Конкретное выражение это нашло в основании Александро-Невского монастыря, переносе мощей святого в 1723—1724 гг., вновь установленном каноне иконописного изображения князя (в светской одежде), новом дне его памяти и т. д. Следует подчеркнуть, что все эти действия имели надлежащую легитимность с канонической точки зрения, более того, они указывали на желание монарха, твердо реализовывавшего собственные замыслы, показать верность традиционным постулатам веры. В историографии отмечалось стремление Петра продемонстрировать преемственность собственной политической линии и военных побед от Александра Ярославича, также добившегося успехов в борьбе со шведами. Действительно, в церковных проповедях и во вновь составленной Гавриилом Бужинским службе князю данная тенденция четко прослеживается, но важно помнить, что она не противоречит и старым текстам: ибо Невской битве в Житии изначально было уделено много больше места, нежели победе на Чудском озере. Анализ деталей

празднования перенесения мощей Александра также позволяет утверждать, что Петр предполагал придать Ярославичу статус покровителя вновь созданного русского военного флота.

После смерти Петра I почитание святого князя сохранило свое новое концептуальное культурно-историческое значение. Краткий перерыв наметился в царствование Петра II и был, несмотря на высказанные некоторыми учеными предположения о якобы имевшем место «возмущении консерваторов»²³, следствием сугубо субъективного момента — личного желания самого монарха. Однако уже в следующее царствование произошел возврат к установленной Петром Великим традиции включения памяти об Александре Невском и его военных победах в систему государственной идеологии.

Таким образом, к исходу третьего десятилетия XVIII в. историческое и культурно-религиозное восприятие образа Александра Невского по-прежнему основывалось на церковном почитании, но теперь оно намного прочнее связывалось с государством и правящей династией. Именно в таком ключе надлежит рассматривать обращение государей к фигуре Александра Невского и их покровительство Александро-Невскому монастырю. При этом следует с осторожностью относиться к предложенным в современной науке излишне прямолинейным трактовкам произведений деятелей науки и культуры той эпохи, как только лишь к идеологически детерминированным. В частности, это относится к творчеству М. В. Ломоносова, в текстах которого об Александре Невском не имеется той скрытой идеологической подоплеки, о которой писал Ф. Б. Шенк. Следует отметить, что уточнения требуют и выводы немецкого исследователя относительно оценки исторической деятельности князя Н. М. Карамзиным и Н. И. Костомаровым.

Важную информацию об отражении образа Александра Невского в исторической памяти широких слоев населения Российской империи дает материал бытовавших в XVIII–XIX вв. легенд. Учитывая, что культ святого князя к этому времени уже давно укрепился в народном сознании, эти сказания имели подчеркнuto церковный характер. Среди таких сказаний следует выделить повествование о Торопецкой иконе Божьей Матери, рассказы об основании монастырей, якобы заложенных в память победы на берегах Невы 1240 г. (Борисо-Глебский (Александров) в Переяславле, Никольский в Старой Ладогe), легенда о связи с деятельностью Александра Невского топонима «Яжелбицы» — населенного пункта, в котором был заключен договор 1456 г., ставший важным этапом в процессе подчинения Новгорода Московским князьям.

²³ См., например: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти... С. 140.

В XIX — начале XX в. культ Александра Невского оказывался все теснее связан с государственной властью, что выражалось прежде всего в интенсивном сооружении храмов в его честь. Существенное значение имело и то, что три государя из шести, царствовавших с 1801 по 1917 г., носили то же имя, что и князь. Связь династии с Александром, даже ее определенная правопреемственность была, в частности, показана средствами изобразительного искусства. Однако в таком беспрецедентном внимании власти одновременно таилась определенная угроза: крах «старого порядка» должен был означать серьезную переоценку прежних ценностей, и в этом отношении образ Александра Невского находился в особой «категории риска», признаки чего стали явно заметны уже в дореволюционные годы.

После Февральской революции в 1917 г. представителями высшего духовенства было проведено тайное вскрытие мощей Александра Невского. Подробную информацию об этом дает дневник С. П. Каблукова, записавшего, что останки князя находились в ненадлежащем виде, а их публичное открытие могло бы привести к нежелательным толкам, а потому Синодом было дано распоряжение удалить из гробницы посторонние предметы.

Как показано во *втором параграфе*, озаглавленном «Советская историческая наука и национальные герои в период отрицания», соотнесение образа Александра Невского со «старым порядком» сыграло весьма негативную роль. Большое значение имел и общий отказ новой власти, ориентированной на интернационализм и «разоблачение» «великорусского шовинизма», от прежнего отношения к национальным героям «царской» России. Александр Невский вообще оказался фигурой «неудобной» прежде всего потому, что как было отмечено выше, в XVIII — начале XX в. его почитание прочно отождествлялось с проводимыми на государственном уровне культурно-религиозными мероприятиями, и теперь личность Александра стала восприниматься как неразрывно связанная с павшей династией. Этими обстоятельствами, на наш взгляд, объясняется нигилизм по отношению к Ярославичу как со стороны Советской власти, так и со стороны значительной части общества, интересы которой эта власть выражала. По существу, это был своего рода слом механизма наследования культурной традиции, означающий отказ от прежней ценностной системы.

Уже в первые годы существования Советского государства статус святого стал достаточным основанием для нападок на Александра Невского со страниц советской печати. Наибольший акцент при этом делался именно на организации его почитания на уровне государственной идео-

логии, прежде всего в имперский период²⁴. Обосновывалась даже совершенно абсурдная версия о том, что императорская власть, усиливая значение новой столицы — Санкт-Петербурга, искусственно создавала «конкуренцию» между святыми Сергием Радонежским и Александром Невским²⁵.

12 мая 1922 г. произошло инициированное властями вскрытие раки князя. Предполагалось, что этот акт оттолкнет «темные массы» от религиозных заблуждений, и все происходившее весьма тенденциозно освещалось в печати. Дополнительных спекуляций на эту тему удалось избежать благодаря тому, что после вскрытия 1917 г. из раки была удалена искусственно сделанная человеческая фигура и оставлены лишь мощи — в том виде, в каком они сохранились. В том же году останки князя были изъяты и возвращены церкви лишь в 1989 г. Сразу после вскрытия мощей Александра Невского была передана в Эрмитаж изготовленная в елизаветинскую эпоху рака, при этом первичный осмотр ее деталей в музее показал, что некоторые из них были утрачены.

Таким образом, от прежнего пиетета со стороны государственной власти по отношению к Александру Невскому не осталось и следа. Положение усугублялось общей ситуацией в области исторических исследований, сложившейся в ту эпоху: разработка тематики, связанной с историей средневековой Руси, стала непопулярной. Ломке было подвергнуто гуманитарное, в частности историческое, образование на всех уровнях, из вузов выживалась «старая» профессура, многие ученые оказались в эмиграции. Апогеем этого стало установившееся в конце 1920-х — начале 30-х годов доминирование «школы» М. Н. Покровского и начавшееся в 1929 г. так называемое «дело историков» («Академическое дело»). Важно подчеркнуть, что столь значительные перемены были вызваны не только волей власть предержащих, но и тем, что в обществе имелись силы, поддерживающие такие начинания и вполне готовые отказаться от исторической памяти, национальной культуры и национальных героев.

Изменение подобных идеологических установок, связанное с новым курсом на построение социализма лишь в СССР, происходило постепенно. При этом следует отметить, что «реабилитация» Александра Невского произошла позже, чем других деятелей прошлого. Причиной тому была, вероятно, сила инерции отрицательного отношения к святому князю. С течением времени оно становилось все более заметным, на это обращали внимание в эмиграции, где исследования, связанные с изучением значе-

²⁴ См.: Красиков П. Религиозная хитрость (письмо в редакцию) // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 23–25.

²⁵ Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. (Опыт историко-критического исследования). Окончание // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 33.

ния Александра в отечественной истории и культуре не прекращались (Н. А. Клепинин, Г. В. Вернадский, Г. П. Федотов). Только в 1937 г. о нем вышла первая в советской историографии статья А. И. Козаченко.

Дальнейшее интенсивное изучение деятельности князя, его включение в новую систему советской идеологии и культуры не было лишь сиюминутным порывом власти, напротив, оно стало следствием нескольких объективных факторов. Во-первых, изменилось отношение к отечественной истории, было восстановлено историческое образование, началась работа над едиными учебниками по истории. Во-вторых, была «разоблачена» школа М. Н. Покровского. В-третьих, в течение 1930-х годов утвердился взгляд на древнюю и средневековую Русь как на феодальное государство, что давало методологическую основу для изучения широкого спектра проблем (в том числе и деятельности Александра Невского) с марксистских позиций. В-четвертых, следует учитывать официальное признание определенных положительных моментов в оценке деятельности церкви и духовенства в истории России. В-пятых, необходимый идеологический фон создала публикация «Хронологических выписок» К. Маркса, в положительном ключе высказывавшегося о победах Александра и, напротив, заклеймившего его врагов — немецких рыцарей.

Таким образом, перемены в отношении к Александру Невскому стали показателем того, что «гипернигилизм», свойственный первым полутора десятилетиям после революции 1917 г., окончательно ушел в прошлое. Во второй половине 1930-х годов был сформирован тот культурно-исторический фон, на котором в условиях принципиально новой идеологической системы происходило возвращение к прежним идеалам. Тогда же готовилась и постановка фильма о князе, фильма, которому суждено было открыть новую страницу светского почитания Ярославича.

В *третьем параграфе* («Кинорежиссер С. М. Эйзенштейн и тема «Александр Невский»: путь Мастера») показаны результаты изучения биографии режиссера, в том числе, неизвестных ранее фактов о его происхождении, а также представлен анализ обстоятельств, в которых он приступал к съемкам кинофильма «Александр Невский».

В частности, совместно с А. С. Сухоруковой было установлено, что имя отца будущего режиссера — Михаила Осиповича — первоначально было иным. Его звали Моисей Айзенштейн, а изменилось оно в период обучения в Киевском реальном училище. Изучив архивные документы, удалось также выяснить обстоятельства перемены имени его братьями (дядями С. М. Эйзенштейна) — Александром и Николаем, а также показать, каким образом развивалась карьера М. О. Эйзенштейна, вершиной которой стало получение для себя и сына дворянского достоинства и хлопоты о приобретении фамильного герба. Завершить их не позволила

Октябрьская революция, ставшая началом творческого пути для его сына — С. М. Эйзенштейна.

Впрочем, к 1937 г. — началу работы над фильмом «Александр Невский» — постановщик находился в творческом кризисе, вызванном рядом неудач, из которых наиболее чувствительной был запрет постановки «Бежина луга», повлекший за собой не только угрозу отлучения от кинопроизводства, но и опасность ареста. Материалы личного архива С. М. Эйзенштейна свидетельствуют, что в этот сложный момент серьезную помощь ему оказал Вс. В. Вишневский, по сценарию которого он рассчитывал снять новую картину на сюжет, так или иначе связанный с современностью (Первая мировая война, гражданская война в Испании, фильм о шпионах-вредителях). Несмотря на их настойчивые просьбы, разрешение на такое сотрудничество так и не было получено, но, во многом благодаря этим хлопотам, режиссер все же получил возможность взяться за работу над картиной о времени, хронологически более отдаленном, и с другим сценаристом — П. А. Павленко. Таким образом, с одной стороны, С. М. Эйзенштейн имел на тот момент необходимые потенции для создания фильма об Александре Невском, сыгравшего весьма существенную роль в формировании новой исторической памяти о князе, с другой — он буквально изголодался по творчеству, успех был для него важен, как никогда ранее, поскольку только он давал возможность продолжить работу и снимал угрозу ареста.

В *третьей главе* диссертации «Кинофильм “Александр Невский” в советской культуре конца 1930-х годов» анализируется широкий спектр вопросов, непосредственно связанных с созданием ленты.

Так, в *первом параграфе* «Творческая лаборатория сценаристов фильма» показано, как трансформировался первоначальный замысел картины. Сценарий, первый вариант которого был подготовлен П. А. Павленко, должен был отвечать важнейшим требованиям, среди которых — высокохудожественное содержание и патриотичность; сам текст надлежало выдержать в духе политкорректности того времени, и, конечно, необходимо было максимально соблюсти историческую достоверность. Документы и воспоминания современников свидетельствуют, что между С. М. Эйзенштейном и П. А. Павленко установились конструктивные творческие отношения, исключавшие «скрытую полемику» между авторами²⁶. Сопоставление сохранившихся в архиве версий сценария позволяет утверждать, что С. М. Эйзенштейн принимал деятельное участие в совместной работе, более того, *именно ему* принадлежала идея завершить фильм поездкой Александра в Орду и последующим его от-

²⁶ Ср.: Мейлах М. Б. Изобразительная стилистика поздних фильмов Эйзенштейна. Л., 1971. С. 47–49, 65 и др.

равлением приближенными хана. Возможно, в определенной степени в этом смысле на него повлияла книга Н. А. Клепинина, придававшего особое значение дипломатической деятельности князя в Орде. Этот финал режиссер последовательно отстаивал и перед коллегами, и перед историками до последнего. С другой стороны, сохранилась введенная П. А. Павленко сюжетная линия, где в резко отрицательном виде были представлены немецкие рыцари, что, безусловно, объясняется международной обстановкой тех лет. В сценарии в качестве положительного персонажа долго присутствовал монах Пелгусий, выступавший одновременно и активным воином, а также подчеркивалась простота княжеского быта.

15 ноября 1937 г. итоговый вариант, увеличившийся почти в три раза по сравнению с первой версией, подготовленной П. А. Павленко, был передан в сценарный отдел Главного управления кинематографии (ГУК) и одновременно опубликован при содействии Вс. В. Вишневского в журнале «Знамя» для последующего широкого обсуждения. В повествовании теперь более отчетливо прослеживалась «монгольская» тематика. Для этого существовали причины субъективного (желание С. М. Эйзенштейна) и объективного характера, связанные с общим развитием исторических исследований той эпохи. В тексте сценария можно проследить тенденции по принижению роли духовного сознания средневекового общества, однако следует подчеркнуть, что по сравнению с предыдущими работами режиссера в сценарии фильма об Александре Невском его прежний подход к религии был значительно смягчен, а в предисловии соавторы предложили вариант вполне «светского» объяснения факта перенесения Петром I мощей князя в Санкт-Петербург в 1723–1724 гг.

Второй параграф «Обсуждение сценария фильма в профессиональном сообществе» включает в себя результаты анализа документальных материалов, отражающих ход развернувшихся вокруг будущей постановки С. М. Эйзенштейна дискуссий. В этом плане особое значение имело организованное 9 февраля 1938 г. информационно-методическим отделом «Мосфильма» заседание, в котором участвовали специалисты-историки А. В. Арциховский, Ю. В. Готье, А. А. Савич, В. Е. Сыроечковский, Н. П. Грацианский и др. После завершения этого мероприятия, стенограмма которого сохранилась в РГАЛИ, некоторые из присутствовавших на нем ученых предоставили письменные отзывы. Наибольшую заинтересованность при этом высказал А. В. Арциховский, и, вероятно, поэтому именно он стал консультантом картины, наличие которого было требованием ГУКа. Отметим, что А. В. Арциховский был единственным специалистом, согласившимся с режиссерской трактовкой финала фильма (смерть князя на обратном пути из Орды).

Что касается самого обсуждения, то прозвучавшие на нем мнения касались как собственно исторической достоверности (было указано на ряд конкретных неточностей), так и общего содержания сценария. При этом важно учитывать, что в замечаниях исследователей, значительная часть которых была принята постановщиками, отразились новейшие наработки исторической науки того времени, потому его участники призывали избегать влияния «вредных теорий Покровского», говорили о новгородских боярах прежде всего как о землевладельцах, а не купцах и даже предлагали более четко «изобразить роль местного духовенства». Примечательно, что историки считали одной из задач будущего фильма изменение сложившегося при «старом режиме» восприятия образа Александра Невского, как образа святого, потому, на взгляд некоторых из присутствовавших, облик князя, который Русская церковь «испортила», теперь надлежало «очистить». В диссертации показано, что С. М. Эйзенштейн и Н. К. Черкасов в целом разделяли такой подход.

В обсуждении сценария деятельное участие принял и литературовед, сценарист В. Б. Шкловский, оказавший С. М. Эйзенштейну существенную поддержку и высказавший ряд конкретных предложений относительно будущей постановки. Некоторые из них, несмотря на критическую форму, были сформулированы в духе представлений самих авторов (прежде всего, финал с поездкой в Орду и смертью Александра на Куликовом поле), тем самым рецензент, выступая с критикой в адрес сценария, одновременно отстаивал позиции С. М. Эйзенштейна и П. А. Павленко.

Необходимо подчеркнуть, что столь оживленное обсуждение работы сценаристов с участием историков-профессионалов в целом способствовало максимальной исторической достоверности будущего фильма, а также позволило воплотить образ князя в соответствии с новыми ожиданиями общества.

Заключительный параграф третьей главы — «Съемочный процесс и выход картины на экраны страны». В нем показано, как шла работа над режиссерским сценарием и как проходили съемки картины. На основании мемуаров С. М. Эйзенштейна освещен ход поиска натуры (мест для съемок под открытым небом), а также продемонстрировано, каким образом было принято решение снимать картину в летних условиях. Проанализированы и опубликованные уже после февральского совещания весьма критические рецензии на сценарий. В частности, М. Н. Тихомирова (в «Историке-марксисте»), А. Ахутина и П. Евстафьева (обе в «Литературной газете»), К. Малахова (в «Правде»). Публикация сценария и развернувшиеся вокруг него дискуссии способствовали оживлению общественного интереса к личности Александра Невского, отражением чего стал выход в свет в 1938 г. нескольких научных, научно-

популярных и художественных работ, посвященных военным победам князя. На содержание некоторых из них, вне всяких сомнений, повлияла публикация сценария будущего фильма, оказавшего, таким образом, определенное воздействие на восприятие образа Александра еще до выхода картины на экраны.

С. М. Эйзенштейну долгое время удавалось отстаивать предложенный им финал. Более того, ордынские сюжеты в режиссерских сценариях с течением времени становились все более объемными и отточенными. Ситуацию изменило только личное вмешательство И. В. Сталина, что подчеркивало то значение, которое власти придавали созданию картины о русском князе.

Как для успеха фильма, так и для формирования нового образа Александра Невского знаковым стал выбор исполнителя главной роли. Талант Н. К. Черкасова в 1938 г. находился в расцвете, свидетельством чему служит его большая востребованность в кино в тот период. Однако следует обратить внимание на то, что характер воплощения экранного образа князя как эпического персонажа определялся именно режиссером, с мнением которого сам Н. К. Черкасов не всегда был согласен. Безусловной удачей оказалось и привлечение композитора С. С. Прокофьева, создавшего позже на основе подготовленной для фильма музыки кантату «Александр Невский» (1939 г.).

На основе анализа архивных материалов, мемуаров, а также периодики тех лет в диссертации показано, как проходила работа над ролями в фильме, как шел процесс съемок, как освещалось все происходившее на «Мосфильме» в советской печати и каким образом разрешались возникавшие внутри съемочной группы конфликты. Немаловажно, что С. М. Эйзенштейн выдерживал максимально возможный темп съемок. Как показали дальнейшие события, завершение работы над фильмом в 1938 г. объективно способствовало возникновению вокруг него более широкого резонанса, поскольку «опоздание» на год не позволило бы провести широкое освещение проката из-за пакта Молотова–Риббентропа, а в годы войны для этого просто не было бы надлежащих условий. Таким образом, выход картины на экраны страны оказался весьма своевременным, что стало еще одним условием ее воздействия на формирование общественных представлений о князе.

Ажиотаж вокруг фильма подогревался прессой, сообщавшей о завершении работы над ним, об общественных просмотрах, и, наконец, о его потрясающем успехе.

В заключение можно констатировать, что в ходе кропотливой работы был создан кинофильм, сыгравший судьбоносную роль в формировании образа Александра Невского в сознании современников. При этом

важно учитывать, что свой вклад в этот проект, создававший новый канонический образ князя, отвечавший реалиям советской эпохи, внесли не только сотрудники киностудии, актеры, литераторы, критики и лично С. М. Эйзенштейн, но и деятели исторической науки, активно консультировавшие съемочную группу.

В *четвертой главе* диссертации «Образ Александра Невского в исторической памяти советского и постсоветского общества (конец 1930-х — 2000-е годы)» в хронологической последовательности рассматриваются историографические сюжеты и направления, связанные с новым этапом в формировании исторической памяти о князе, а также анализируется ряд факторов и обстоятельств, которые оказали непосредственное влияние на восприятие реальной исторической личности и художественного образа Александра Невского, сложившееся в отечественной культуре и общественном сознании новейшего времени.

В *первом параграфе* «Историография конца 1930-х — начала 1940-х годов об Александре Невском» подчеркивается необходимость тщательного и максимально полного выявления и анализа исторических работ об Александре Невском (в том числе, научно-популярных), которые стали выходить после большого перерыва в 1937 г., поскольку именно тогда культура его почитания как национального героя на государственном уровне приобрела новые черты, став, по сути, сугубо светской, и таким образом завершился процесс, начатый еще при Петре I. В то же время один из наиболее ярких эпизодов биографии князя был экранизирован режиссером С. М. Эйзенштейном, и это во многом определило восприятие героя древнерусской истории вплоть до наших дней. Триумфальный выход на экраны страны картины «Александр Невский» обусловил всплеск интереса к личности Ярославича и стал стимулом для появления новых публикаций о нем, однако до сих пор многие из этих публикаций не становились объектом историографического анализа, а трактовки ряда ученых, так или иначе к ним обращавшихся, иногда страдали односторонностью и не подкреплялись надлежащей методологией.

В период Великой Отечественной войны восприятие исторического опыта князя было обусловлено в первую очередь идеологическими установками, что было вполне оправдано в тяжелых условиях военного времени. Данный вопрос специально в диссертации не рассматривается, поскольку он уже достаточно хорошо изучен²⁷. С учетом этого, основное

²⁷ См., например: *Мяжков М. Ю., Асташин Н. А.* Образ Александра Невского в годы Великой Отечественной войны // Исторические ориентиры Российской государственности. Материалы общественно-научной конференции (4–5 декабря 2007 г. в МГИМО (У) при МВД России). М., 2008. С. 179–200; *Рябов А.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Нижний Новгород, 2007. С. 116–119;

внимание уделено рассмотрению внушительного количества трудов вышедших за сравнительно небольшой срок.

Помимо детального рассмотрения работ таких авторов как А. И. Козаченко, Н. Е. Подорожный, С. В. Глязер, А. А. Строков, Ю. Н. Дмитриев, А. Я. Лурье, Л. Бычков, Б. Тельпуховский, носивших в большинстве своем научно-популярный характер, выявляются не только присутствующие в них многочисленные ошибки, но и подчеркивается их соотносительность с общими историографической ситуацией и культурным контекстом рассматриваемого периода. Так, по-прежнему сохраняли свое идеологическое значение «Хронологические выписки» К. Маркса; необходимым элементом подобных сочинений была критика М. Н. Покровского и, безусловно, самое большое влияние на авторов как художественных, так и претендующих на научность текстов оказал опубликованный сценарий будущего фильма. Представляется, что в данном случае имело место непосредственное воздействие культурного артефакта (сценария) на исследовательские изыскания, что вряд ли можно считать позитивным фактором. Вместе с тем в работе обозначены и некоторые положительные стороны такого воздействия.

Далее анализируются работы историков, отличавшихся не только профессиональным мастерством, но и наличием исследовательского таланта. К таковым, безусловно, относился М. Н. Тихомиров. Обращение ученого к этой теме не было случайным. Еще за год до этого — в 1938 г. он выступил в журнале «Историк-марксист» с резкой критикой первого варианта сценария будущего фильма «Александр Невский». В последующем исследователь вновь и вновь возвращался к событиям XIII в., а в 1958 г. принял личное участие в крупномасштабной экспедиции по уточнению места Ледового побоища.

Новый уровень теоретических обобщений ознаменовала статья В. Т. Пашуто, опубликованная в 1939 г. в «Ученых записках ЛГУ». Излагая фактологию, историк проанализировал с позиций марксизма взаимоотношения князя с боярством с одной стороны, и с низшими слоями общества — с другой (разумеется, в соответствии с воззрениями того времени изначально подразумевалось наличие в городах-землях той эпохи классового социального расслоения и классовой борьбы). В целом можно говорить о неподдельном научном интересе автора к теме, разработка которой для В. Т. Пашуто станет одним из приоритетных направлений исследований в течение всей профессиональной деятельности.

Знакомство с текстом монументального труда Е. А. Разина²⁸ помогает найти дополнительные аргументы для развенчания существующего в общественном сознании и отчасти в историографии мифа, согласно которому после заключения пакта Молотова-Риббентропа произошли резкие перемены в оценке борьбы Руси с западными агрессорами — немецкими рыцарями.

Не стоит преувеличивать и воздействие новой политической ситуации, сложившейся после обострения отношений с Финляндией и последовавшей вслед за тем Зимней войны 1939–1940 гг. Негативным примером здесь может служить методология Ф. Б. Шенка, буквально подгоняющего факты под собственную концепцию, используя для аргументации своих построений работы Н. И. Сутта и И. П. Шаскольского²⁹. Основное внимание при рассмотрении книги первого автора историк сосредоточил на описании похода новгородского войска в Финляндию в 1256 г., пересказав краткую историю той операции и приведя цитаты из Н. И. Сутта о тяжелейших условиях, в которых она была осуществлена³⁰. В ходе дальнейшего анализа историографии выяснилось, что парадоксы методологии Ф. Б. Шенка привели его к совершенно неправильным выводам уже потому, что, рассуждая об идеологической ангажированности освещения кампании 1256 г. у Н. И. Сутта, он на самом деле обвинял дореволюционного автора М. И. Хитрова, поскольку *все* приведенные немецким историком цитаты из книги о Полярном походе Н. И. Сутта — лишь слегка измененные тексты М. И. Хитрова.

Говоря о довоенной историографии, посвященной Александру Невскому, следует отметить, что в той или иной степени к данной теме обращались и другие историки (А. А. Савич, Н. П. Грацианский, В. А. Богусевич, Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, А. Н. Насонов), а многие материалы, так или иначе к ней относящиеся, не были опубликованы, отложившись в архивах. В частности, в 30-е годы XX в. над этой проблематикой работал исследователь псковских древностей А. И. Васильев, и в его архиве сохранились результаты изысканий ученого по исторической географии территории, прилегающей к месту Ледового побоища.

В целом следует отметить, что в силу господствовавших идеологических установок, авторы далеко не всегда могли непредвзято подойти к изучению многих вопросов и беспристрастно освещать исторические со-

²⁸ Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до Первой империалистической войны 1914–1918 гг. Ч. 2: Военное искусство средневекового феодального общества. VI–XVIII вв. М., 1940. С. 101–105, 106–111.

²⁹ Сутт Н. И. Александр Невский. Ярославль, 1940. 128 с.; Шаскольский И. П. Борьба русского народа за неские берега. М., 1940. 48 с.

³⁰ Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти... С. 400.

бытия. В то же время главной заслугой историков стало «возвращение» в науку самой темы «Александр Невский», долгое время оставшейся фактически под запретом, а некоторые из ученых, начавших работу над ней уже в довоенный период, впоследствии продолжили свои изыскания, выйдя на уровень монографических исследований.

Во *втором параграфе* — «Кинофильм “Александр Невский” и советский зритель: восприятие художественного образа» — на примере кинокартины С. М. Эйзенштейна прослеживается, как в предвоенные годы функционировала система распространения культурных ценностей и приобщения к ним населения. Применительно к кинопрокату это, прежде всего, означало обеспечение условий для просмотра ленты на огромных просторах страны, что предусматривало изготовление достаточного количества копий ленты и наличие развитой киносети. Помимо этого рекламу фильму обеспечила широкая информационная поддержка, организованная с помощью центральной и региональной периодической печати. Анализ этих публикаций позволяет выделить четыре основных этапа «сопровождения» проката фильма местной печатью. Во-первых, всякий раз премьера предварялась соответствующими статьями в газетах. Во-вторых, зачастую общедоступной (коммерческой) демонстрации предшествовали сеансы для избранной публики (это могли быть, например, передовики производства), о чем опять же сообщалось через печать; в-третьих, газеты рассказывали далее об успехе ленты и о большом количестве зрителей, посмотревших ее, что должно было стимулировать общественный интерес, который в силу понятных причин шел на спад с каждым сеансом. Наконец, в-четвертых, на газетных полосах регулярно размещалась прямая реклама — краткие объявления о киносеансах. В общем, можно говорить о некоем алгоритме, с помощью которого осуществлялось привлечение зрителей, что в данном конкретном случае одновременно означало и широкую пропаганду образа Александра Невского, его укоренение в исторической памяти современников.

Вместе с тем, в адрес создателей картины звучали и критические отзывы, до сей поры не становившиеся предметом детальных исследований историков. В целом, критические суждения о фильме «Александр Невский» возможно подразделить на три основные группы. К первой относятся собственно критика: высказывания по поводу недостатков картины со стороны профессионалов и зрителей, усмотревших какие-либо недочеты художественного свойства в игре актеров, сценарии или в режиссерской постановке (невнятность женских образов, «пейзажность» сцен, «оперность» и т. д.) (И. И. Бачелис, В. И. Пудовкин, Л. З. Трауберг, Вс. В. Вишневский, Н. Кружков, Б. Ласкин). Замечания подобного рода появились сразу после начала демонстрации ленты и не прекращаются

вплоть до наших дней. Ко второй группе можно отнести критику недобросовестную, не довольствующуюся указанием на конкретные недочеты и стремившуюся найти политический подтекст в явных или мнимых ошибках режиссера, а потому сопровождавшуюся навешиванием ярлыков («кузма-крючковщина») (А. С. Гурвич). Прибегавшие к таким приемам люди не могли не осознавать, что их действия способны привести к трагическим последствиям. Пик активности критиков такого рода пришелся на апрель 1939 г., но уже к осени, после выхода в свет статьи в журнале «Большевик», содержащей в том числе довольно резкую отповедь нападкам на фильм, можно было смело говорить об их полной нейтрализации со стороны власти, незаинтересованной в переоценке картины С. М. Эйзенштейна. Наконец, третий тип критики олицетворял собой В. И. Блюм, обеспокоенный все более ощущавшимся отходом искусства от основ интернационализма. Впрочем, сам фильм интересовал его много меньше, нежели нашедшая в картине отражение общая тенденция возвращения к патриотическим ценностям дореволюционной эпохи. В отличие от представителей второй группы, В. И. Блюм изначально вступал с противоречием с установившимся идеологическим курсом, а потому отстаивая свои убеждения и, соответственно, выступая против картины С. М. Эйзенштейна, больше рисковал сам, нежели мог принести вреда кому-то из оппонентов.

Отдельно несколько слов стоит сказать о критике, высказанной в адрес кинофильма со стороны признанного мастера советского кино, выдающегося деятеля отечественной культуры А. П. Довженко, высказывавшегося о недостатках фильма публично и в частных беседах. Анализ этих высказываний позволяет утверждать, что в данном случае имела место определенная тенденциозность, вызванная неравнодушным отношением очень талантливого художника к успехам своего гениального коллеги.

Изменение политической ситуации после известных соглашений августа 1939 г. с Германией, вопреки общепринятому мнению, не повлекло запрета на показ картины «Александр Невский». Материалы периодической печати доказывают, что по крайней мере в сентябре — ноябре 1939 г. она из проката не изымалась. Ее демонстрировали (и достаточно активно) в разных уголках Советского Союза. Это дает основания утверждать, что конкретных запретительных распоряжений относительно ленты не существовало. К тому же в марте 1941 г. С. М. Эйзенштейн, П. А. Павленко и А. Л. Абрикосов получили за фильм «Александр Невский» Сталинскую премию первой степени. Уменьшение количества сеансов картины, а также ее «уход» на вторые и третьи экраны возможно истолковать иначе — это обусловил спад зрительского интереса, вполне объяснимый длительностью нахождения фильма в прокате.

В *третьем параграфе* «Формирование исторической памяти об Александре Невском в послевоенное время: наука и общество» рассматриваются сюжеты, связанные с организацией полевых экспедиционных выездов ученых на место Ледового побоища — наиболее известной и одновременно самой загадочной из битв, выигранных князем. Это позволяет не только внести новый вклад в историографию проблемы, но и дает возможность проследить причины организации наиболее крупного на сегодняшний день мероприятия по изучению места Ледовой битвы — экспедиции Г. Н. Караева, в работе которой принимали участие как профессионалы, так и большое количество добровольцев-волонтеров.

В диссертации уточняются некоторые особенности восприятия образа Александра Невского в послевоенное время, которое хотя и не претерпело существенных перемен (народ относился к его образу, вне всяких сомнений, положительно, а изучение его деятельности было важной составляющей патриотического воспитания), но отличалось известной амбивалентностью.

Так, например, при всей очевидной значимости побед на Невском берегу в 1240 г. и на Чудском озере в 1242 г., места этих битв, по сути, полей ратной славы России, не были отмечены сколько-нибудь значительными мемориалами. В связи с этим в диссертации рассматриваются неизвестные прежде подробности установки памятной стелы в поселке Усть-Ижора, при этом особенное значение приобретает изучение деятельности Военно-исторической секции Ленинградского Дома ученых АН СССР, председателем которой стал ветеран двух мировых и Гражданской войн, генерал-майор в отставке, военный историк, кандидат военных наук, доцент Г. Н. Караев. Именно этим человеком на рубеже 1950-х - 1960-х годов инициировались и во многом направлялись дальнейшие научные разыскания в области изучения и сохранения исторической памяти об Александре Невском в сознании советского народа, а его целеустремленность и энергия способствовали вовлечению в этот процесс широкого круга профессионалов и заинтересованных лиц.

Более всего Г. Н. Караева увлекал феномен «неразгаданности» Ледового побоища. В этой связи в работе уделяется особое внимание двум ученым, трудившимся над решением этой загадки на рубеже 1940-х — 1950-х годов. Один из них М. Н. Тихомиров, второй — Э. К. Паклар. Творческий путь первого известен достаточно хорошо, тогда как биография и ученые заслуги второго реконструируются только на основе архивных материалов.

Аргументы, приведенные в статье Э. К. Паклара, безусловно, оказали влияние на дальнейший ход исследования темы Ледового побоища, точнее их интенсификацию, и, особенно, выяснение места битвы. В рабо-

те проводится сравнительный анализ источников, проливающих свет на события, предшествовавшие организации Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г. во главе с Г. Н. Караевым. Это грандиозное мероприятие, по сути, не имело прецедентов в советской исторической науке, а изучение архивных материалов позволяет проследить на этом конкретном примере роль общественности в организации подобного рода экспедиций.

Далее рассматриваются основные этапы работы экспедиции, а также результаты ее деятельности, при этом уточняется ряд моментов, связанных как с особенностями ее материально-технического обеспечения, так и с внутренними коллизиями. На основе опубликованных материалов (прежде всего дневников участников экспедиции) и свидетельств устной истории делается вывод о безусловном стремлении к популяризации научного знания и воспитанию патриотизма через приобщение к исторической памяти о давно минувшей эпохе Александра Невского.

В заключение речь идет о нескольких экспедиционных выездах на место Ледового побоища, в которых диссертант принимал личное участие. Их необходимость была обусловлена главным образом высказываниями о неправомерности выводов Г. Н. Караева и его группы.

Четвертый параграф «Образ Александра Невского в исторической памяти россиян: панорама новейших мнений» представляет собой детальное рассмотрение современных точек зрения на жизнь и труды князя. Материалом для этого послужила научная и научно-популярная литература, в большом количестве выходящая с начала 1990-х годов. При этом в отличие от предшествующего периода содержащиеся в ней оценки Александра Невского серьезно разнятся, кроме того работа, где анализируется современная историография проблемы, также представлена впервые.

В конце XX столетия, в годы очередного исторического перелома, интерес к личности Александра Невского только усилился. Этому способствовало как возвращение в Троицкий собор Александро-Невской лавры мощей князя, состоявшееся в 1989 г., так и юбилейные даты — 750-летие Невской битвы и Ледового побоища. Они дали дополнительный толчок для дискуссий об историческом значении конкретных сражений и о военно-политической деятельности князя в целом.

В данном параграфе рассматриваются те направления, по которым в 1990-е — 2000-е годы продолжилось научное изучение эпохи Александра Ярославича. Так, благодаря трудам В. А. Кучкина, В. К. Зиборова, А. Р. Андреева, И. В. Дубова, Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова удалось решить ряд вопросов, относящихся к биографии князя. Были обозначены вопросы русской истории периода средневековья, более всего

волновавшие таких ученых, как И. П. Шаскольский, С. Матхаузерова, Е. Л. Назарова, С. В. Белецкий, Д. Н. Сатырева, В. Ф. Андреев, И. О. Сурмина, Я. С. Лурье, И. Н. Данилевский, Л. Н. Гумилев, А. В. Шишов, Д. Л. Спивак, А. Я. Дегтярев, П. Е. Сорокин, Д. Н. Альшиц, Е. А. Рябинин, А. Р. Артемьев, В. Л. Егоров, А. А. Горский, П. О. Рыкин, А. П. Григорьев, В. И. Матузова, О. Ф. Кудрявцев, В. В. Каргалов, А. В. Майоров, О. Н. Московитина, Ю. В. Селезнёв, Ю. В. Кривошеев, А. Л. Хорошкевич, В. А. Буров, А. В. Петров, И. Б. Михайлова, Т. Н. Джаксон и др. Различные точки зрения на те или иные исторические события, связанные с жизнью и деятельностью Александра Невского, представлены в диссертации не только во всем их противоречивом многообразии, но и в сопоставлении с источниками, при этом немалое внимание уделено также зарубежной историографии, в частности, работам Дж. Феннела, Д. Г. Линда, Э. Хеша и др.

Заключительная часть параграфа подводит итог кинематографической истории образа Александра Невского. Здесь рассматриваются несколько фильмов, в том числе фильм «Александр. Невская битва». В результате проведенного анализа удалось установить, насколько новый художественный образ князя имел под собой исторически достоверную основу, а также выяснить значительность его вклада в формирование современной исторической памяти о Ярославиче.

В *заключении* диссертационного исследования подводятся итоги и делаются общие выводы. При этом подчеркивается, что сформировавшийся в общественном сознании образ Александра Невского как талантливого военачальника и мудрого политика соответствует исторической действительности, поскольку он сумел проявить себя в качестве выдающегося государственного деятеля, оставившего заметный и, несомненно, положительный след в отечественной истории. Потомкам изначально памятными были военные успехи князя, свидетельством тому служат вошедшие в житийную литературу сообщения о чудесной помощи Александра Дмитрию Донскому и Ивану Грозному. Впрочем, со временем и другие аспекты его внутри- и внешнеполитической деятельности — стремление к укреплению власти, дипломатические успехи, не связанные с войной и т. д. — все более актуализировались в исторической памяти. При этом важно учитывать, что его посмертное прославление как святого в значительной степени обусловлено теми отношениями, которые он как великий князь сумел установить с высшими иерархами Русской церкви и особенно с митрополитом Кириллом. По сути, можно говорить о том, что после смерти Александра на протяжении последующих двух столетий историческая память о нем формировалась и сохранялась прежде всего усилиями и под влиянием духовенства. Некоторые перемены в этом куль-

турном процессе *наметились* лишь в XVI в., когда создание нового исторического нарратива становится одной из задач формирующейся идеологии развивающегося Русского государства. Тем не менее, и в этот период, и в течение следующего, XVII столетия восприятие князя зжилилось именно на его почитании как святого.

Существенные изменения в этом плане произошли в эпоху Петра Великого и его ближайших преемников. Культ князя стал приобретать более светские черты, но все еще сохранял прежнюю духовную составляющую. В течение и XVIII, и XIX столетий роль государства в пропаганде исторической памяти об Александре Невском усиливалось, что означало одновременно более тесную связь с правящей династией. Это обусловило отрицательное отношение к Александру Невскому после двух революций 1917 г. Разумеется, при этом обязательно нужно учитывать и общее неприятие идеалов «старого режима», в том числе, идеалов патриотических — национальных героев прежней России. Как показали последующие события, отношение к Александру Ярославичу было более предвзятым, нежели к другим деятелям русской истории. Причиной тому было то, что он, во-первых, ассоциировался со свергнутой династией, во-вторых, был святым, в-третьих, был князем, т. е. представителем класса эксплуататоров. Потому его «возвращение», или, говоря словами Ф. Б. Шенка, «реабилитация», произошла позже, чем в других случаях.

Отметим, что можно обозначить точный рубеж, когда меняется идеологическая установка по отношению к князю со стороны советской власти: в 1937 г. в печати вышла первая статья, посвященная Александру, и тогда же получил задание на постановку фильма С. М. Эйзенштейн. Изученные архивные материалы показывают, что обращение режиссера к этой теме было во многом случайным, и уж точно изначально произошло не по его инициативе. Однако ряд факторов как субъективного, так и объективного характера способствовали тому, что постановка была выполнена на самом высоком идейном и художественном уровне, кроме того она идеально вписывалась в контекст эпохи. Выход картины на экраны, рекламная кампания, сопровождавшая съемки и прокат, в свою очередь стимулировали общественный интерес к теме «Александр Невский», нашедшей отражение как в многочисленных публикациях, так и в культурной жизни страны в целом.

С 1937 г. начинает выходить большое количество исследований об Александре научного и популярного характера, заполнивших образовавшуюся после революции лакуну. Историографическая ценность этих работ зачастую вызывает сомнения, но главное их значение в том, что они способствовали новому витку в обсуждении темы «Александр Невский», пусть и в иной, приемлемой для идеологии Советского государства фор-

ме. Отметим, что во многих случаях степень влияния идеологии на формирование исторической памяти о князе в этот период современными историками существенно преувеличивается.

Что касается картины, созданной С. М. Эйзенштейном, то ее воздействие ощущалось и в последующие годы. В этом плане стоит обратить внимание на проведение Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г. В диссертации посредством привлечения материалов из архива ее руководителя Г. Н. Караева было показано, как готовилось мероприятие, и сколь значима здесь была общественная инициатива. Кроме того, документы и воспоминания свидетельствуют, что и в ходе проведения исследований всех ее участников отличали энтузиазм и заинтересованность в результатах. Очевидно, фильм «Александр Невский», столь способствовавший популяризации его главного героя, сыграл свою роль и здесь. Примечательно также, что в центре внимания экспедиции оказалась Ледовая битва, вокруг которой строился и сюжет картины.

Вместе с тем, в общем, отношение власти к Александру Невскому все же следует охарактеризовать как двойственное: ибо военно-политические заслуги князя вовсе не отменяли его принадлежности к враждебному классу. После Перестройки наша страна стала иной, в который раз наступила эпоха «переоценки ценностей». Некоторые исторические персонажи опять оказались низвергнутыми с пьедестала. При этом Александру Невскому «повезло» намного больше, чем другим деятелям русской истории, которые были более тесно связаны с идеологией Советского государства: можно сказать, что «двойственность» в отношении к князю, существовавшая прежде, имела в данном случае положительное значение.

Начиная с 1990-х годов, выходит большое количество литературы об Александре Невском, при этом отдельные аспекты его деятельности, а иногда и вся политика князя, далеко не всегда оцениваются однозначно. Тем не менее, можно утверждать, что в целом восприятие образа этого национального героя общественным сознанием остается позитивным, о чем свидетельствуют и новые произведения искусства, его представляющие. Это позволяет сделать вывод о том, что феномен Александра Невского в исторической памяти современного общества вплоть до настоящего времени сохраняет свое уникальное место.

По теме исследования опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Соколов Р. А. Русская церковь и монголы. Очерки социально-политической истории второй половины XIII — первой половины XIV в. М.; Нью-Йорк; СПб.: Norton Cross, 2008. 186 с.
2. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 240 с.

Рецензии на монографию:

Гагин И. А. [Рец.]: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. 240 с. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 133–137.

Ярцев А. А. [Рец.]: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. 240 с. // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 12. С. 110–112.

3. Соколов Р. А. Русская церковь во второй половине XIII — XIV в. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. 232 с.

Рецензия на монографию:

Печников М. В. [Рец.]: Русская церковь во 2-й половине XIII — 1-й половине XIV века // Вестник церковной истории. 2012. № 3/4. С. 374–381.

4. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012. 368 с.

Рецензии на монографию:

Винокуров И. Л. [Рец.]: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012 // Новое литературное обозрение. 2013. № 2. С. 401–403.

Турыгина Н. В. [Рец.]: Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Историческое исследование. СПб.: Лики России, 2012 // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2006. Вып. 4. С. 198–199.

Коллективные монографии:

1. Александр Невский. Государь, дипломат, воин: [Коллективная монография] / Отв. ред. А. В. Торкунов, науч. ред. О. Ф. Кудрявцев. М.: Р. Валент, 2010. 536 с. (Р. А. Соколов автор разделов «Политика Александра Невского в Балтийско-Скандинавском регионе» (с. 139–158), «Александр Невский и Русская Православная церковь» (с. 181–196), «Александр Невский в современной историографии» (с. 407–438).)

Рецензии на монографию:

Рудаков В. Н. [Рец.]: «Потрудился за Новгород и за всю русскую землю» (Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.: Р. Валент, 2010 — 536 стр.) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 4. С. 107–111.

Ауров О. [Рец.]: «Защитник земли русской Александр Невский» (Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.: Р. Валент, 2010 — 536 стр.) // Свободная мысль. 2011. № 6. С. 215–218.

Лядышева Е. [Рец.]: «Не в силе Бог, но в правде» (Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М.: Р. Валент, 2010 — 536 стр.) // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 126–130.

2. Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В. Русское православие: от крещения до патриаршества. Очерки. СПб.: Академия исследований культуры, 2012. 411 с. (Р. А. Соколов автор раздела «Русская церковь в XIII — начале XV в.» (с. 91–238).)

Рецензии на монографию:

Костромин К. [Рец.]: Новый монографический стиль — эклектика // Христианское чтение. 2012. № 4. С. 194–198.

Зиновьева Е. [Рец.]: А. Дворниченко, Ю. Кривошеев, Р. Соколов, В. Шапошник. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. — 411 с. // Нева. 2012. № 10. С. 250–252.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Соколов Р. А. Обстоятельства поставления первого русского по происхождению митрополита Кирилла // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2006. Вып. 4. С. 3–7.
2. Соколов Р. А. Научно-практическая конференция, посвященная 550-летию подписания Яжелбицкого мира (16 марта 2006 г., г. Валдай) // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2006. Вып. 4. С. 339–340.
3. Соколов Р. А. Александр. Невская битва (режиссер Игорь Каленов, «Никола-фильм», 2008) Комментарий-послесловие к фильму // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2009. Вып. 3. С. 177–189.
4. Соколов Р. А. Александр Невский и митрополит Кирилл // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 3–8.
5. Соколов Р. А. К вопросу о возможности побратимства русских князей и монголов // Вестник русской христианской академии. 2010. Вып. 4. С. 230–234.
6. Соколов Р. А. Основные тенденции развития Русской церкви в XIII — первой половине XIV в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. Вып. 1. С. 3–8.
7. Соколов Р. А. К вопросу о взаимоотношениях светской и церковной власти в эпоху Дмитрия Донского // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. Вып. 2. С. 3–6.
8. Соколов Р. А. Ростовское духовенство и монгольские власти при епископе Игнатии // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. Вып. 4. С. 120–121.
9. Соколов Р. А. Князь и митрополит: духовный меч Александра Невского // Родина. 2012. № 9. 102–103.

10. Соколов Р. А. Великокняжеская столица в политике митрополита Феоноста // Вестник русской христианской академии. 2012. Вып. 3. С. 27–29.
11. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Кафедре исторического регионоведения — 10 лет // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 3. С. 181–186.
12. Соколов Р. А. Конференция, посвященная 770-летию Ледового побоища // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 4. С. 243–244.
13. Соколов Р. А., Штыков Н. В. [Рец. на книгу] Гадалова Г. С. Благоверная Великая княгиня Ксения Тверская. Тверь: Герменевтика, 2011. 224 с. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2012. Вып. 4. С. 215–216.
14. Соколов Р. А. Монашество в исследованиях Аркадия Ивановича Васильева (по материалам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН) // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2013. Вып. 4. С. 94–99.
15. Соколов Р. А. Отзыв Н. П. Грацианского на первоначальный сценарий кинофильма «Александр Невский» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 79–82.
16. Соколов Р. А. Андрей Боголюбский и Александр Невский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39): В 2 ч. Ч. II. С. 183–187.

Статьи в научных сборниках и журналах:

1. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский и противостояние с Западом в новейшей историографии // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 64–67.
2. Соколов Р. А. Владимирская епархия в XIII в. // Проблемы исторического регионоведения. Сб. научных трудов. Вып. 2: К 70-летию В. И. Хрисанфова. СПб., 2009. С. 73–104.
3. Соколов Р. А. Александр Невский и высшие иерархи Русской церкви // Нобилитет в истории старой Европы / Под ред. С. Е. Федорова и А. Ю. Прокопьева. СПб., 2010. С. 246–262.
4. Соколов Р. А. Русско-норвежские дипломатические контакты 50-х гг. XIII в. // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. II: Призвание — история: Сб. научных статей к 55-летию профессора Ю. В. Кривошеева / Ред.-сост. А. А. Мещенина, Р. А. Соколов. СПб., 2010. С. 119–127.
5. Соколов Р. А. Феномен Александра Невского на рубеже тысячелетия: исторические исследования и общественное восприятие // Региональные Чудские чтения: Сб. материалов 2010 г. Псков, 2011. С. 22–26.
6. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Отзыв А. В. Арциховского на первоначаль-

чальный сценарий к фильму С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» // Русское средневековье: Сб. статей в честь Юрия Георгиевича Алексева. СПб., 2012. С. 71–80.

7. *Кривошеев Ю. В., Мещенина А. А., Соколов Р. А.* Ледовое побоище: загадки экспедиций // Вестник Государственной полярной академии. 2013. № 1. С. 43–47.
8. *Соколов Р. А., Сухорукова А. С.* Новые данные о предках Сергея Михайловича Эйзенштейна // Киноведческие записки. 2013. № 102/103. С. 314–323.
9. *Соколов Р. А.* Александр Невский в советской довоенной историографии // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. СПб., 2014. С. 160–202.

Подписано в печать 22.01.2014.

Формат 60x84/16. Объем 2,5 п. л. Тираж 150 экз. Заказ 22/01-14.

Отпечатано на полиграфической базе исторического факультета СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.